

М. Н. СПЕРАНСКИЙ

Повесть о городах Таре и Тюмени

В сборнике б. Румянцовского музея (Публ. библ. им. Ленина в Москве) № 3189, в 4 д. л., XVII в., на лл. 124—136 об. помещена, без особого заглавия и без начала,¹ повесть о нападениях татар на сибирские города Тару, Тюмень и др. Судя по хронологическим датам, встретившимся в Повести (лл. 130 об. и 132 об.), она касается событий в Сибири в 1634—1635 годах.

Повесть эта несколько уже известна в научной литературе: впервые она, как до тех пор неизвестная в литературе, была отмечена в Отчете Московского публичного и Румянцовского музеев за 1892—1894 гг. (стр. 37—38); извлеченная из упомянутой рукописи, она затем послужила предметом доклада С. О. Долгова и обсуждения в одном из заседаний Славянской комиссии МАО (см. протокол 14 XI 1907 г. в Древностях, трудах Слав. ком. МАО, т. IV (1911), стр. 16—17); несколько слов о ней же находим у А. С. Орлова, коснувшегося ее стиля в своей статье: «О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв.» (Изв. ОРЯС, XIII (1908), 4, стр. 32; отд. отд.). Но у В. С. Иконникова в его «Историографии» Повесть не указана и до сих пор остается не изданной, доклад же С. О. Долгова также напечатан не был.

По своему содержанию Повесть не имеет, кажется, особенно большого значения в качестве исторического источника первостепенной важности, так как она представляет только страничку из местной истории, рассказывая несколько эпизодов из борьбы (не всегда удачной) русских поселенцев с местными инородцами во время колонизации западной Сибири. В этом смысле она, конечно, представляет некоторый интерес для историка, изучающего этот период русской истории. Но, будучи рассматриваема с точки

¹ Как видно из первых же слов, сохранившихся на верхней строке л. 124: «бысть же нѣкто от менших татар имянем Кучашъ Танатаровъ».

зрения историко-литературной, она не лишена значительного интереса, как попытка, опять-таки, вероятнее всего, местная, изложить ряд эпизодов из истории этой борьбы русских колонистов в форме и в духе обычных военных повестей XVI и XVII вв. В частности, не лишена эта повесть значения и для изучения литературных приемов ее неизвестного нам автора, писавшего, как это видно будет из дальнейшего, около середины XVII в.: это — сравнительно позднее отражение целого направления так называемой «торжественной» литературы, расцветшей к половине XVI века в Московской книжности и ставшей замирать к концу XVII в.

Что касается содержания Повести о Таре и Тюмени, то оно не сложно и большой цельностью не отличается: здесь рассказаны несколько эпизодов из истории борьбы русских припельцев с татарами, калмыками и «литовцами» (т. е. людьми из западной России, в большом количестве захваченными в плен в столкновениях с Польшей и ссылаемыми Московским правительством в качестве поселенцев в Сибирь); эти эпизоды связаны между собою только слабо выраженной хронологической последовательностью и территориальным единством. В общих чертах содержание Повести сводится к следующему:

«Некто от менших татар» именем Кучаш Танатаров, рассказывает Повесть, оставивши свой род и отечество, побуждаемый властолюбием и стремлением к наживе, переселяется в землю Калмацкую¹ к некоему калмыцкому тайше, набирает при его помощи калмыков и является с ними неожиданно под город Тару. В происшедшем столкновении русские граждане Тары потерпели неудачу: многие убиты, сведены в плен, стада их угнаны. Повторив несколько раз свои набеги на Тару, Кучаш вернулся с большой добычей и получил честь от царевичей, Кучумовых внуков, и калмыцких тайш. Соблазненный успехами Кучаша, один из калмыцких тайш Куйша посылает своих двоих сыновей и зятя с войсками на ту же Тару, поручая разорить город, жителей избить или забрать в полон. «Поганые» приходят, требуют сдачи города и, уверенные в невозможности сопротивления, к ночи отходят на реку Ибейку, находящуюся в семи «поприщах» от города, оставив у города стражей, и становятся у реки станом. Защитники города ночью делают вылазку, пройдя мимо стражей незамеченными (шум, производимый городскими воинами, стражи приняли за шум, идущий из стана

¹ В Повести последовательно употребляется эта форма с вариантом «Колмаки», как и в одном из вариантов Саввы Есипова (Сибирские летописи, СПб., 1907, стр. 111).

своих, почему и не обратили на него внимания), нападают врасплох на стан неприятелей, также ничего не подозревавших, многих избивают (в том числе убивают сына Куйши и одного знатного калмыка). Враги в смятении бегут: Тара спасена. Но, продолжает автор Повести, «гнев божий не укротился за умножение грех наших»: в это же время произошло избиение от «поганных» многих «християн» в Томске, в новом Качинском остроге, в Красном Яре, в Кузнецком остроге. Попытка литовцев («новоприсланных» вместе со старыми литовцами-поселенцами в Томске) завладеть и пограбить Томск не удалась: они хотели в день Ильи пророка, приходившийся в воскресенье, поджечь церковь Богоявления вне города (в «подгории») и, воспользовавшись тем, что жители побегут на пожар, по дороге их избить и таким образом овладеть городом; но накануне один из поджигателей выдал градоначальникам замысел, поджигатели были схвачены и казнены. Но в 1635 г. произошел набег на Тюмень: многие тюменские татары во главе с Езезком ушли к калмыкам, там соединились с упомянутым Кучашем и в январе явились внезапно под Тюменью, разграбили уезд, произвели в городе резню и грабеж, забрали большой полон; попытка тюменцев нагнать грабителей и отбить полон кончилась для них неудачей: произошло новое избиение граждан, они потеряли убитыми и пленными чуть не две тысячи. «Вся же сия бысть грех ради наших, почему ж роду на уверение», — заканчивает свою Повесть автор.

Несмотря на многословие, значительно нарушающее плавное течение и ясность рассказа, на шаблонность стиля автора Повести, можно все-таки догадываться, что Повесть написана в Сибири и, быть может, в Томске или автором, бывшим временно там; так можно предполагать не только потому, что все местности, упоминаемые в рассказе: Тара, Томск, Тюмень, Красный Яр, Качинский и Кузнецкий остроги, находятся в западной Сибири,¹ но и потому, что автор в описании нахождения врагов на Томск проговаривается и о себе и, повидимому, как находившемся в это время там: «О люте, люте было бы *нам в Томском граде* в сий недельный день Христова воскресения, хотящим (рук. хотящу) им (т. е. литовцам)... града достояния раскопати» (л. 131), и ниже в молитвенном обращении: «Не преложи (рук. предложи) светлаго дня тридневнаго воскресения *нам* верным во оскорбление», еще ниже: «отвратися меч острый от *нас* на их

¹ Тара основана в 1594 году, Томск — в 1604, Кузнецкий острог — в 1618, Тюмень — в 1585 на месте городка Чингия, Тобольск — в 1587.

(т. е. литовцев) выю» (л. 131 об.).¹ В других местах Повести этих намеков нет; общие формулы: «по грехом нашим», «грех наших ради» и т. п., разумеется, здесь в счет не идут.

Пожалуй, можно до некоторой степени в число таких местных черт занести и то, что автор говорит о Кучапе Танатарове: его соратники появляются прямо под стенами Тары, «по провозении изменника Кучапа Танатарова, понеже он ведая ко граду пути, како приити, и время и места, ту бо той окаянный воспитан бысть» (л. 124 об.), т. е.: автору была знакома такая подробность из жизни «окаянного», как то, что он был из окрестностей Тары, здесь вырос. При рассказе о нападении сыновей Куйши автор точно определяет место их стана — на речке Ивейке в семи поприщах от города; так же точно определяет он и местоположение церкви Богоявления в Томске: вне города «в подгории». Все это, при наличии и других черт,² получает смысл указания на пребывание автора в тех местах, события коих он описывает.

Что касается формы и композиции интересующей нас Повести, то, как сказано было, она должна быть отнесена к тому жанру, который принято называть «воинскою повестью». Сюда она примыкает не только по своему содержанию, но и по способу обработки этого содержания: в ней — на лицо большая часть характерных стилистических черт «воинской» повести. Так, несмотря на сравнительно небольшой свой объем (она занимает 14 листов в 4-ку разгонистой скорописи), она дает в достаточном, чтобы иметь право отнести ее к «воинским», количестве типичные лексические и фразеологические обороты, аналогичные и иногда сходные или даже тождественные со старшей «воинской» повестью.

Оружие: мечу предати (дважды; ср. Историю о Казанском взятии, 43);³ падоша острием меча (четыре раза; ср. там же, стр. 8, 55); немилосердый, кровавый меч; меч сей кровавый, острый в крови вашей воскипел; бысть оружное бряцание и конский топот; придоша во оруженном одеянии светящиеся; огнедышущие пищали.

¹ Далее следует рассказ об измене одного из поджигателей.

² Например, «поганые» в такой форме требуют сдачи города Тары: «разорите град и очистите то место: мы хоцем *кочевати* zde, се земля *наша* есть» — требование, совершенно в духе тогдашнего еще кочевого или полукочевого быта сибирских инородцев и тогдашних земельных отношений у них к русским, забирающим их землю.

³ Цитирую параллели по изданию 1902 г. (Казань).

Настроение воюющих: утвердишася мужественно, показавше храбрость свою пред нечестивыми; поостри ярость свою на язык сей; умрети за святыя церкви, за истинную веру пострадати; град сей аки птицу руками своими возьмем (ср. то же в Азовском сидении).

Характеристика воинов: яко дивие звери поядаху, грады разоряюще; аки соколи изучени ударишася на многия жаровлиныя стада (ср. то же в Мамаевщине); спешаху (воины на битву) яко звани на брак сладкого вина пити; бѣ же их (воинов) яко травы сельные множество.

Битва: брань с ними составиша; закалаху яко свиней; вопль великий избыточествует повсюду от гласов убиваемых; копейным поражением и острыми стрелами граждан уязвляют и низлагают и конскими ногами попирают: в крови християнстей руки свои обагриша.

Как и в большинстве русских «воинских» повестей, враги-иноверцы и здесь называются «погаными» в противоположность русским — «християнам».

Столь любимое «воинской» повестью изобразительное средство, как сравнение, угодное описываемому событию другому известному, служащее в то же время средством объяснить читателю смысл описываемого, дать оценку его, — и в нашей Повести нашло себе яркое выражение. Автор любит приводить для сравнения преимущественно события библейские, предпочитая при этом ветхозаветные; поэтому у него Куйша сравнивается с древним Амаликом, в другом месте — с Олоферном и Сисарой; подвиг казаков, избивающих татар Куйши — с подвигом Гедсона (ср. в повести о Динаре, отсюда в истории о Казанском взятии); вылазка защитников Тары под покровом ночи сопоставлена с уходом евреев из Египта под покровом облака и столпа огненного; нападение литовцев на Тюмень и гибель их напоминают автору эпизод о медном змии, а литовцы, поселенные в Тюмени и оттуда ушедшие, — иудеев, ушедших из Египта в пустыню.

Эти сопоставления даются автором Повести — кстати сказать — в виде обширных цитат (правда, не претендующих на буквальную точность сравнительно с библейским текстом) в объеме большем, нежели этого, казалось бы, требовали цели автора: словно он пользуется случаем поделиться с читателями своими сведениями по библейской истории.

Кажется, автору «Повести» не чужда местами и ритмичность речи в соединении с созвучиями в конце фразы или ее части, — черта, наблюдаемая, как известно, в некоторой степени и в «воинской» повести; так,

у него находим: (Кучаш идет) «град разорити... мечу предати... в плен свести... огнем пожещи»; (татары) «спаху... вставаху... огонь возгнещяху»; «грады разоряюще, верных погубляюще»; «растлению предлагаемы и жены и мужи разлучаемы и бедне насилуемы и оскверняемы»; «зубы кусающе... иные же сокрушающе, иные же во огонь вметающе»; «из чресл исторгаху, овых на копья вознизаху, овых ножи резаху... убиваху»; «нападают... уязвляют... низлагают... попирают».

Приподнятый тон речи, отличающий «воинскую» повесть и выражающийся наиболее ярко в склонности к «лирическим» отступлениям (их много, например, в истории взятия Казани), находим и в нашей Повести, например: «О велие божие благодеяние!» восклицает автор по поводу удачной вылазки защитников Тары, считаемой им за чудо, и продолжает: «Како не удивимся твоему, Слове, милосердию!» и т. д. Такое же отступление — по поводу избиений в Тюмени, Красном Яре: «о них же (т. е. убиенных) подробно что рещи или глаголати или писати, от горькия болезни не вем!» И далее по тому же поводу: «Оле, велие падение бысть и убийство! О, бедные матери, колико болѣзнию сердец ваших внутренняя отсекаете!..» и т. д.

Наконец, можно добавить — на этот раз скорее для характеристики автора, нежели самой Повести — общую концепцию, идейное содержание Повести: автор ее (как и другие авторы «воинских» повестей) разделяет общепринятую в его время традиционную точку зрения на провиденциальное значение современных событий, проводимую главным образом в книжной литературе, близко стоящей к церковной — представление о ближайшем участии в делах человеческих с одной стороны божества, с другой — темной силы: несчастья, дурные дела — результат воздействия или действия сатаны, дьявола, или гнева божия на людей за грехи и т. п., удача, победа — результат милосердия божия к людям, покровительства христианам и т. д. На этой почве воззрений стоит и большая часть «воинских» повестей, напр., не раз упомянутая История о взятии Казани. Этим объясняется введение в Повесть и дидактического элемента с одной стороны и (в стилистическом отношении) в значительном количестве богомолений, обращений к божеству, поучений читателям и т. п. — с другой; то же найдем ярко выраженным и в Истории взятия Казани. Этим объясняется, таким образом, и стилистическо-формальная сторона Повести, поскольку она не покрывается «военным» характером рассказа. Но эта же идеология

Повести может служить указанием на ту общественную среду, для которой писалась Повесть, и где мы должны искать ее автора.

Продолжая анализ Повести, как литературного произведения, следует обратить внимание на точки соприкосновения ее не только с «воинской» повестью (что было сделано мной сейчас), но и на текстуальное совпадение ее по местам с определенным памятником, выросшим на той же почве — в Сибири — и в той же, вероятно, социальной среде, что и Повесть: это даст возможность ближе подойти к самой личности автора нашей Повести. Я имею в виду соотношение нашей Повести, для нас анонимной, к так называемой «Летописи» Саввы Есипова: на это соотношение было уже указано в помянутом докладе С. О. Долговым; но в протоколе, откуда мы узнаем об этом, мнение докладчика отмечено, разумеется, очень кратко и в самой общей форме. Вот оно: «Литературная оболочка Повести та же, что в позднейших воинских повестях. Ближе всего Повесть стоит к Сибирской летописи Саввы Есипова, повторяя почти дословно многие фразы и почти целые периоды этого литературного памятника» (стр. 16 назв. издания). Первую часть этого мнения — определение нашей Повести, как «воинской» — мы видели выше: ближайший анализ ее подтвердил высказанное в протоколе мнение. Для второй части остается произвести не только эту проверку, но и сделать из нее возможные надлежащие выводы, отсутствующие в протоколе. И это тем более необходимо, что Сибирская летопись принадлежит к другому литературному жанру, нежели наша Повесть, и точки соприкосновения между ними должны получить иное объяснение, нежели это имело место в отношении Повести и повестей «воинских», как принадлежащих к одному и тому же литературному жанру. Действительно: простое сопоставление текста Повести с текстом Сибирской летописи (также называемой в рукописях: О Сибирской стране, О Сибири и о сибирском взятии, Списание о Сибирской земле — см. назв. изд., стр. 105 и прим.) обнаруживает несомненные между ними текстуальные совпадения в ряде случаев, хотя Сибирская летопись, если и рассказывает о военных событиях, не есть «воинская» повесть, как представительница особого жанра: но это — и «не летопись, т. е. погодное изложение (как такое название приложимо к Строгановской летописи — *М. С.*), а цельное произведение на известную тему: цель автора — показать, каким образом страна, подчиненная бусурманскому царю и служившая идолам, покорилась власти царя (христианского, православного — *М. С.*) и просветилась христианским уче-

нием» (В. С. Иконников. Историография, II, 2, стр. 1293). Вот те текстуальные совпадения нашего автора и Саввы Есипова, которые, надо полагать, имел в виду и С. О. Долгов:¹

Повесть

1. Некогда посла бог на них (иудеев) гнев свой, змием повеле поядати их, и кийждо их уязвляем умираху. И паки милосердова о них и вложи в сердце блаженному Моисею, он же, божиим мановением подвижим, сотвори змию медную и постави посреди полка сынов израилев; уязвляем ж от змия взираху нань, исцелеваху. Потом же они сию обоготвориша и многожды прогневаша бога; сего ради тмами казнишася: голодом и язвами, и пленом, и ратию, и различными разоренми, яко же писано: «И виде господь и возревнова и разгневался гневом и рече: отвращу лице мое от них, яко прогневаша мя в делех своих» (о литовцах под Томском, л. 130—130 об.).

2. Тогда восприемше (граждане Тары) щит истинныя веры и утвердишася мужественно и показавше храбрость свою пред нечестивыми и вси глаголаху: достойно ныне умрети за святыя церкви и за истинную веру пострадати, благочестивому царю по-

Савва

(Израильтяне поклонились тельцу) и сего ради посла на сих (господь) гнев свой, змием повеле поясти их, кийждо же их уязвляем от змии умираху; и паки господь милосердова о них и вложи в сердце блаженному Моисею; он же, божиим мановением подвижим, сотвори змию медяну и превознесе ю на трость, прообразуя Христово распятие. Уязвляем же от змии взираху на ону змию (и) исцелеваху. Повеле же им не вместо бога змию имети; но немощи их снисходя; они же и сию обожиха и начаша яко бога хвалити ю; и сего ради тмами казнишася: голодом и язвами, пленом и ратию и различными разоренми, яко же той же Моисей в песни в Девтеронии, предвозвещая непокоривым иудеом в будущее им в последних озлоблениях глаголет. И виде господь и возревнова и разгневался гневом ради сынов их и дочерей, имеяху бо бесом пожрети я, и рече: отвращу лице мое от них, яко прогневаша мя в идолах своих (стр. 120—121 — о магометанстве и язычестве подданных Кучума).

Восприимше щит истинныя веры и утвердившеся мужественно и показавше храбрость пред нечестивыми... (стр. 123 — характеристика Ермака и его дружины). Тако и сии воины положиша упования на господя твердо и вси глаголюще: достойни умрети за

¹ Привожу их в порядке текста Саввы (Сибирские летописи, СПб., 1907, стр. 105—170).

служим (л. 127 об. — о вылазке из Тары).

истинную веру и пострадати за православие и благочестивому царю послужити (стр. 124 — из той же характеристики).

Восприимше щит истинные веры и утвердишася мужественно и показавше храбрость свою пред нечестивыми и вси глаголюще: достойни умрети за истинныя святыя божия церкви и за истинную веру пострадати и благочестивому царю послужити (стр. 165 — «Синодик казакам»).

3. Возопиша велиим гласом: держайте, не бойтесь! Бог с нами! и паки возопиша: боже, помози нареченным во твое имя! (л. 129 — о той же вылазке).

на бой поидоша вси глаголюще: с нами бог! И паки приложиша: боже, помози (нам) рабом своим (стр. 139 — бой под Чувашевым).

4. овии (татары Куйши) спяху, овии вставаху, овии возгнецаху огонь на варение яди (л. 128 об. — там же).

овем (воинам) спящим, овем же не спящим, видящим еще (стр. 139 — о пленении Маметкула).

5. пред отцы сынове убиваемы, живота гонзнуша (л. 134 — избиеение в Тюмени).

божим бо судом прииде на воинов смерть, и тако живота своего гонзнуша (стр. 148—149 — смерть Ермака).

6. И не бысть такова зла православным христианом, отнелиже и солнце евангельское Сибирскую землю осия, и псаломский гром огласи (л. 135 — там же).

Оттоле же солнце евангельское землю Сибирскую осия, псаломский гром огласи, наипачи же во многих местех поставишася гради (стр. 161 — «Благодарение богу»).

7. бе же их (врагов) яко травы сельныя множество (л. 128 — нападение Куйши).

насеяшеся множество их (врагов), яко травы сельны (стр. 166 — «Синодик казакам»).

Присмотревшись к приведенным сопоставлениям, особенно к более обширным по объему, мы приходим к выводу, что текст Саввы Есипова не только обстоятельнее, нежели у автора Повести в этих местах, но и стройнее логически по изложению; тот же результат получим, если сравним оба текста в связи с остальным изложением у наших авторов: отмеченные места у Саввы, как будто, теснее связаны с остальным его изложением, нежели у нашего автора; отсюда является весьма вероятное предположение, что автор Повести воспользовался то там, то сям произведением Саввы, как источником для уснащения своего произведения параллелями и уподобле-

ниями, частью понравившимися ему выражениями и оборотами. Такое предположение не встретит препятствия и со стороны хронологического соотношения между обоими произведениями: Савва, доведя свое «Списание» до 1584 года включительно (см. изд. стр. 168), пишет: «Изложена же бысть сия летопись «Сибирское царство и княжение и о взятии» в Тобольске граде в лета 7145 сентября в 1 день», т. е. писана им в 1636 году и к концу года (сентябрьского) кончена; наша же Повесть, как мы видели, касается событий 1634 и 1635 годов, и могла быть написана, только некоторое время спустя, когда события эти прояснились и могли быть оценены автором с его точки зрения. При таком представлении о возникновении Повести вероятнее всего предположить, что она писана после 1636 года, хотя, может быть, и немного времени спустя после окончания труда Саввы Есипова, а потому и автор Повести мог уже иметь под рукой этот труд, мог его использовать для своей Повести. Таким образом устанавливается не только один из источников Повести, но и время ее появления, последнее, конечно, приблизительно. Возможно установление и еще одного источника нашей Повести: таким для одного ее места была, вне всякого сомнения, известная, популярная издавна в письменности (она даже была напечатана в Трефолие (М. 1622), л. 493 и сл.) «Повесть о неседалном», трактующая, как известно, об аналогичном событии — спасении Царьграда от осады его персами: соответствует в нашей Повести этому событию избавление Тары от нашествия Куйши, причем Куйша здесь играет роль персидского военачальника Сарвара. Чтобы убедиться в этом, достаточно привести выписку из нашей Повести и из «Повести о неседалном» рядом с нею. Цареградцы просят о мире Сарвара, он грубо им отказывает, приказывая очистить город; граждане с теплой мольбой обращаются к богу, и молитва их была услышана: осаждающие со срамом и с громадным уроном уходят во свояси; у нас — то же: Куйша требует очищения города, грозя его взять силой, граждане обращаются к богу, ночью совершают вылазку и избивают татар Куйши, остатки коих постыдно бегут.

Повесть о Таре

разорите град и очистите мѣсто... утре пришед всячески град сей, яко птицу, руками своими возмем и пуста его положимъ. Много ж первие на бога злохулно глаголаху окаяннии. Сущии ж во

Повесть о неседалном

В'сачьскы оубо оутрь град вашъ, яко птицу, роукою моею возмоу и поуста его положоу... идѣте от града, идѣже хотите... Многа же первие на Христа бога нашего и на рожьскую его злаа.

градъ жители, елицы священницы и елико причет, иночествующии и весь людский народ востенавшѣ от среды сердца и ко святымъ божиимъ церквемъ бяху притичюще, рупѣ на небо въздѣюще, со слезами многими молящѣся, глаголаху: «Защитниче нашъ, господи, господи! призри отъ святого своего жилища и виждь скверныхъ сихъ дерзнувшихъ хулити святое и великолѣпное имя твое. Низложи, защитниче нашъ, господи, да не рекуть: гдѣ есть богъ ихъ? Ты бо еси богъ нашъ, иже гордымъ противляяся и на смиренныя призирая, твоя бо держава неприкладна и величество неразруσιμο. Слыши словеса окаянныхъ сихъ врагъ, яже поносятъ тебѣ, владущему всѣми, избави града достояния твоего, и люди нареченныя во твое имя... И молахуся плачющѣся людие...

хоулив'шю... соущии в градѣ жители елицы священ'ници и елико причетъ и иночествующии и весь людский народ востенавшѣ от среды сердца къ святымъ и божественнымъ церквямъ бяху притичюще и роуцѣ на небо въздѣюще и со слезами многими молахуоуса глаголюще. застоупниче нашъ, господи, господи, призри отъ святого своего жилища и виждь сквер'наго вар'вара сего и соущихъ с нимъ. дрѣз'ноув'шихъ хоулити святое и великое твое има. низ'ложи его, застоуп'ниче нашъ, господи, да не речетъ. гдѣ есть богъ ихъ. ты бо еси богъ нашъ. иже гор'дымъ противляяся и с'миранныя призираа. твоя бо держава неприкладна и владычество неразруσιμο. слыши вар'вара сего яже посла поноса тебѣ владущемоу всѣми. избави град достояния твоего и люди нареченныя в твое имя. и тако молахуоуса плачющеса люди (По рукоп. б. Уварова, № 351, XV в., в лист, л. 184 и об.).

Что Повесть писалась, спустя сравнительно небольшой промежуток времени после описываемых в ней событий, можно предполагать по той свежести впечатлений, какие на автора производили описываемые им события: он, если и не был прямым участником всего им описываемого (для подобного утверждения у нас нет данных), он, судя по его стилю, живо и отчасти даже болезненно воспринимал эти события: об этом говорят его довольно частые «лирические» отступления, о которых речь была выше: его настроение находило себе выход в этих стилистических особенностях «воинской» повести.¹ В согласии с такой свежестю впечатлений будет стоять, в таком случае, и та точность в мелочах, топографических и описательных, которую мы отметили выше; можно привести и еще примеры: ему хорошо известно место, где произошла неудачная попытка тюменцев

¹ Для ясности приводимой аналогии возьмем для сравнения хотя бы спокойный, рассуждающий тон Саввы, повествующего о событиях в Сибири, спустя более, чем 50 лет, после самого позднего из них.

отбить полон (на речке Пошеме, в 15 верстах от города); с большой обстоятельностью и подробностями описана им вылазка из г. Тары при нашествии Куйши: на стан его жители Тары нападают, дождавшись утренней зари: «тогда забрезжал пес, ишедый из града, иже сами (т. е. нападающие) мнеша, яко от сел пришел пес»; обстоятельства убийства вельможи при нападении на стан также подробно изложены: «некто силен нача восходити на свой конь и возопи своим языком: Стойте, не бойтеся! по нас люди! Тогда некто христианин пришед удари его во главу из огнедышущей пищали, он же пад издше. Тогда мнози погани обступипша около его, бе бо честен в них и храбрость имея и силу; и ту мнози падоша острием меча храбрых вой христианских» (л. 129 и об.). Если приведенные соображения можно признать правдоподобными, можно хронологически точнее определить и нашу Повесть: она писана после 1636 года, но все же скоро после этого года, пока впечатления событий в Таре и Тюмени еще были свежи, т. е. немного позднее «Списания о Сибирском царстве и его взятии».¹

Но кто же мог быть автором «Повести о Таре и Тюмени»? Прямых указаний в нашем распоряжении нет;² но есть косвенные, отчасти даваемые самой Повестью, для того, чтобы указать на определенное лицо, хотя бы в виде вероятного предположения: таким лицом, скорее всего, мог бы быть тот же Савва Есипов. Савва Есипов был, как известно, дьяком первого сибирского и тобольского архиепископа Киприана: когда было решено образовать первую Сибирскую епархию, на нее был избран настоятель новгородского Хутынского монастыря Киприан, человек, несомненно, незаурядный (он выдвинулся еще в Смутное время своими дипломатическими

¹ Не позднее какого времени явилась Повесть, также можно указать предположительно: она писана, вероятнее всего, до 1642 года: в этом году Тюмень была сильно укреплена рвами, валами, башнями и рогатками («Россия», изд. Девриена, т. XVI, стр. 383) и после этого неприятельским нападениям более не подвергалась. Весьма вероятно, что описываемый нашей Повестью разгром Тюмени и дал повод укрепить Тюмень, как важный стратегический и торговый пункт западной части Сибири. Об этих, во всяком случае весьма солидных, укреплениях, возведенных в 1642 году, автор Повести не говорит, хотя и упоминает о стенах города; видимо, здесь имеются в виду первые укрепления города, устроенные в 1595 году (см. «Россия», там же), но к 1635 году ставшие уже настолько плохими, что не могли помешать разгрому города.

² Возможно, что имя автора стояло в заголовке Повести в ее полном виде: если припомним, единственный нам известный ее текст начала, к сожалению, не сохранил; поэтому было бы весьма желательно иметь еще списки Повести лучшей сохранности. Но пока таких не нашлось по известным, каталогизированным рукописным собраниям.

способностями), энергичный и способный организатор; отправляясь в Сибирь устраивать не только новую епархию, но и первый русский культурный центр в не умиротворенной еще Сибири, Киприан привез с собою в Тобольск целый штат работников главным образом из Новгорода, вероятно, также отобранных ввиду важности задачи из наиболее подходящих: в числе их был и Савва Есипов, занявший важный пост дьяка, т. е. заведующего делами епархии, человек, несомненно, книжный и начитанный по своему времени. После недолгого пребывания в Сибири (1620—1624) Киприан, все же успевший за это время много сделать для развития русского хозяйства в Сибири (в частности для хлебопашества), вернулся в Европу, а его сотрудники, в числе их и Савва, остались в Сибири. В числе культурных начинаний Киприана было между прочим составление «Синодика казакам»: для этой цели он распорядился собрать от старожилов и ближайших их потомков сведения об Ермаке и его сподвижниках; это нужно было для установления их имен и деяний в «Синодике». Таким образом этот Синодик явился старшим из известных нам в письменной форме источником по истории завоевания Сибири.¹ Так его воспринял и Савва, который не только положил его в основу своего «Списания о Сибири», обработав его литературно, но и целиком поместил в конце своего труда; поэтому он и пишет: «зде же о сем оставих, а се написах к своему исправлению.. Ино же написах с писания прежде мене списавшего, нечто (обретох) и стесняемо бе речью, аз же распространих». Но, составляя свое «Списание», этим одним основным источником не он ограничился: «ино же от достоверных муж испытах иже очима своима видеша и быша в та лета» (стр. 170 изд.). Можно с большой долей вероятности предполагать, что путем таких расспросов достоверных людей (и это, заметим, более, чем через 50 лет после Ермака) у Саввы набрался материал не только для истории завоевания Сибири и до событий 1584 года, но — наверное, и еще в большем количестве — для времени последующего, несомненно, представлявший интерес для местных деятелей, и даже ближайшего, когда совершались события, не менее волновавшие современников Саввы, нежели события прошлого, довольно

¹ С. В. Бахрушин (Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М. 1928) полагает, что «Синодику» Киприана предшествовало, в качестве первоисточника, стилистически им переработанного, «написание», принесенное ему казаками, когда он пожелал от них узнать, «како приидоша в Сибирь» (см. стр. 16). Это «написание» служило основным источником для Саввы Есипова. «Синодик» составлен в 1622 году (см. там же).

уже отошедшего; а в числе их, конечно, были и сведения о происшествиях в Таре, Томске и Тюмени, частью даже, быть может, пережитые самим Саввой непосредственно. Литературно образованный по своему времени, сам писатель, автор «Списания о Сибири», может быть, в то же время общественный деятель в Тобольске или Томске, Савва, несомненно, имел все данные, чтобы использовать и собранный им материал, не нашедший места в силу указанной выше нами цели и плана в его «Списании», для нового произведения на тему близкую предыдущей, могущего представить несомненный интерес для его современников-сибиряков, т. е. для нашей «Повести». Созидая Повесть в духе «воинских» повестей, он, естественно, в стилистических целях имел возможность воспользоваться своим же прежним трудом, применив показавшийся подходящим из него материал для новой цели — рассказа о событиях 1634—1635 гг.; отсюда — точки соприкосновения,¹ именно текстуальные и по содержанию, между Повестью и «Списанием», и те изменения сходных мест в частности, какие представляются вполне законными у автора, пользующегося своим трудом более раннего времени. Приемы же его творчества, поскольку они не противоречили несколько иной цели его нового произведения, в общем остались теми же и теперь: та же склонность видеть параллель между ветхозаветными образами и событиями и событиями нового времени; только здесь, в Повести, она получила более определенное назначение: не только дать разъяснение смысла события, но и — в духе «воинской» повести — выразить настроение автора, подчеркивая дидактическую, идейную сторону его произведения. Спокойный тон повествователя о прошлом, благополучно завершившемся, заменился — опять-таки в согласии со стилистикой «воинской» повести — приподнятым, чему способствовала близость событий, притом далеко не утешительных, ко времени создания самой «Повести». Общая же идеология и в том и другом произведении осталась одной и той же — та же провиденциальная точка зрения на события — что и понятно: эта идеология оставалась неизменной у книжников определенной группы этого времени.

Таким образом все сказанное, взятое вместе, невольно наталкивает на соблазнительную, в то же время вполне естественную мысль: не одно ли и

¹ Даже единственный у Саввы Есипова в его «Списании» случай параллелизма, явившийся под влиянием известной Троянской истории (битва на реке Скамандре, стр. 130) вошел себе отзыв в Повести в виде воспоминания, вставочного по характеру, о Кентавре, явившемся на помощь Приаму и погибшем под Троей (д. 132 об. — 133).

то же лицо, т. е. не тот же ли Савва Есипов, было автором и нашей Повести о Таре и Тюмени и Сказания о Сибирской земле? Одинаковость местности, где создались оба произведения, близость по времени создания обоих, значительная близость и самого стиля, несмотря на принадлежность их к различным, хотя и не очень отдаленным друг от друга, жанрам, вполне удовлетворительное объяснение этих различий в стиле на почве того же различия жанров, приведенное выше, наконец наличность текстуальной связи между обоими произведениями — все это, как будто, говорит о возможном тождестве и авторов обоих произведений.

(ПОВЕСТЬ О ГОРОДАХ ТАРЕ И ТЮМЕНИ)

(Л. 124) Бысть ж нѣкто от менших татар имянем Кучашъ Танатаровъ, научен бысть дияволом, понеже бо он имѣ от сложенія миру над всѣми ж сими зависть и неправда и леть богатства помрачаетъ, и сего ради оставиша человѣцы свѣт правды, а тму возлюбиша. Вниде ж в того Кучаша сатана, зане имея в нем жилище себѣ и обѣща ему власть дати; еяже той желая: остави ж род свой и отечество, бѣгун бывает и преселися в землю Калмацкую и прилѣписа калмацкому нѣкому тайшѣ и сотворися ему вѣрен, и начат проситися, еже бо итти ему на град Тару, покушашеся град раззорити, а живущих ту православных християнъ мечю предати и в плѣн свести. (124 об.) И собращася колмацкия люди в управлени и придоша под град Тару даж до стены градной по провождении измѣнника Кучаша Танатарова, понеже он вѣдая ко граду пути, како прийти, и время и мѣста, ту бо той окаянной воспитан бысть, а нынѣ зол враг бысть православным християном, неукротимъ супостатъ и боритель. Граждане ж ощутивше иноплеменных нашествие и бран с ними составиша и грѣх ради наших мнози падоша острием меча поганых, и мнози от них православни християне плѣвени быша, и стада скотския отгнаша. И возвратишася восвоюи со многими корыстями. (125) Се же сотвориша граду тому не единому, но многожды. Той ж враг Кучашко велику себѣ честь получи от царевичевъ Кучюмовых внучат и колмацких тайшъ. Нѣкто ж тогда тайша колмацкой именем Куйша слыша многия побѣды, нашедшия на сибирския грады, и межусобныя брани и водное топление, понеже имѣя у себе множество татар, отбѣгших от града Тары и от иных градов, и вся си ему повѣдаша и о градѣ Тарѣ, яко уже точию един град стоит, а окрестныя уѣзды до основания разрушены и живущих в нем мало. Той же Куйша, яко ж древнии Аммаликъ, егда услыша, яко сынове израилевы из Египта избѣгоша со многимъ богатством, и поиде на них (125 об.) побѣдити их восхотѣ и рече в себѣ: «Побѣжду их и возму богатство египетское». И пришед в пустыню во многих силах побѣжден бысть самъ, и грады его сынове израилеви разрушиша, — тако и сей тайша Куйша вознесся в мысли своей и посла

дву сынов своих да зятя своего со многими силами под град Тару, повелѣ град разорити и церкви божия, идѣже богу приносится бескровная жертва, и мирския жительствующая дома огнемъ пожещи, сущихъ же православныхъ христіанъ мечю предати повелѣ окаянный, ивехъ же в плѣнѣ свести. Внезапу же погании приидоша даждо стѣнъ градныхъ во оруженномъ одѣянии (126) свѣтящеса. Граждане жъ едва успѣша затворити врата, ниии же плѣнени быша и отведени во станы ихъ. Погании жъ таковая глаголаху гражданамъ: «Раззорите градъ и очистите мѣсто: мы хоцемъ кочевати здѣ, се земля наша есть; аще ли не очистите, утре пришедъ всячески градъ сей, яко птицу, руками своими возьмемъ и пуста его положимъ». Много жъ первие на бога злохулно глаголаху окаянии. Сущи жъ во градѣ жителие, елицы священницы и елико причетъ, иночествующи и весь людскій народъ востѣнавше отъ среды сердца и ко святымъ божіимъ церквамъ бяху притичюще, руцѣ на небо воздѣюще, со слезами многими молящеса глаголаху: «Защитниче нашъ, (126 об.) господи, господи! Призри отъ святаго своего лица и виждь скверныхъ сихъ дерзнувшихъ хулити святое и великолѣпное имя твое! Низложи, защитниче нашъ, господи, да не рекутъ: гдѣ есть богъ ихъ? Ты бо еси богъ нашъ, иже гордымъ противляеши и на смиренныя призираеши, твоя бо держава неприкладна и величество неразрушимо. Слыши словеса окаянныхъ сихъ врагъ, яже поносятъ тебѣ, владущему всѣми. избави града, достояния твоего, и люди нареченныя во твое имя, простри ярость твою на языкъ сей, иже имени твоего не призываютъ». И тако моляхуся плачущеса людие, овни же по стѣнамъ града стояху, каждо ихъ ждуще смерти. (127) Солнцу же уклонившуся на западъ, и покрыся земля ночью тмою, погании отъ града отидоша и шедъ сташа на рѣчкѣ, глаголемей Ибѣйке, отъ града точию за 7 поприцѣ, стражей своихъ поставиша близъ града, сами жъ в станѣхъ своихъ пребываху безъ опасения и возношахуся въ сердцахъ своихъ, се токмо глаголаху: «Утре разрушимъ градъ, уже бо имъ нѣсть ниоткуда помощи», а не вѣдуще сего безумнии, яко не отъ многихъ вой побѣда бываетъ, но свыше отъ бога, можетъ бо и беспомощнымъ помощи, яко же древле велехвалный Олофернъ. иже восхотѣ осилвати бога израилева, ему же отсѣче главу жена Юдифъ, иже отъ сыновъ израилевыхъ, и прегордому Сисарѣ главу жена острымъ древомъ проби (127 об.), Гедеонъ же, судия израилевъ, со трети стами множество Мадіамъ побѣди: подобно жъ тому и нынѣ той же богъ на поганыхъ побѣду показа. Тогда граждане рѣша другъ ко другу: «Изыдемъ во слѣдъ поганыхъ, ничто жъ сумнящеса, точию положимъ упование на бога, негли богъ поможетъ намъ». Тогда восприимше щитъ истинныя вѣры и утвердившеса мужественно и показавше храбрость свою предъ нечестивыми, и вси глаголаху: «Достойно нынѣ умерети за святыя божія церкви и за истинную вѣру пострадати, благочестивому царю послужимъ». И поидоша си воины безстрастни. О велие божіе благодѣяние! Яко жъ древле, егда сынове израиљеви поидоша изъ (128) Египта, и веде ихъ богъ по пустыни къ Черному морю, предъ ними жъ идяше въ нощи столпъ огненъ, а въ день облаченъ позади ихъ: и нынѣ таково жъ чюдо показа богъ: егда приидоша воины на то мѣсто, идѣжъ поганыхъ

стражи стояху, посредѣ их проидоша, а не бысть либо в толиких христианских воех оружное бречание и конский топот, но поганых стражи быша тогда яко глухи и слѣпи; аще и слышаху что, но мнѣша, яко в их станѣх то есть. Како не удивимся твоему, Слове, милосердию! Кто ли исповѣдати может силу твою или чюдеса твоя? Аще не бы умножилися пред тобою беззакония грѣх наших, кто бы востал на люди твоя, кто ли бы озлобил достояние твое (128 об.), яко же пророк глаголет: «аще бы человек в пути моя ходил, ничесо ж враги его смирил и на стужающая возложил бых руку мою». Прощед же стражей их, достигоша до рѣчки прежреченной Ибейки, идѣже стояша поганых вой без опасения — бѣ же их яко травы селныя множество — овии спаху, овии востаху, овии огни возгнецаху на варение яди. Слышаху ж они топот конский, но мнѣша, яко из их коней, плѣнники же связаны быша яко злодѣи. Христианстии ж храбрии воины плѣшние люди уже под станы их приидоша вси друг пред другом спѣшаху, яко званнии на брак сладкого вина пити ожидаху же еще, егда возсияет заря. Тогда забрекал пес изшедый из града, погании (129) же сами мнѣша, яко от сел есть пришел пес. Тогда христианстии вой, яко изучении соколы ударипася на многия жаровлиныя стада, возопиша велиим гласом: «Держайте, не бойтеся, бог с нами!» и паки возопиша: «Боже, помози нареченнымъ во твое имя!» И нападоша на станы их и закалаху яко свиней. Они ж, яко беснии пси, метяхуся сѣмо и овамо, и многих поганых побиха и сына Ку(й)пина убиха, овии ж в водѣ утопоша. Тогда нѣкто силен нача восходити на конь свой и возопи своим языком: «Стойте, не бойтеся, по нае люди!» Тогда нѣкто христианин пришед ударил его во главу из огнедышущей пищали, он же пад издше. Тогда мнози погании обступиха около его, бѣ бо честен в них (129 об.) и храбрость имѣя и силу, и ту мнози падоша острием меча храбрых вой христианских. И тако погании с срамом поидоша во свояси, православное ж воинство яко побѣдницы возвратипася во град радующесе и славяще бога, давшаго побѣду на врагов, и плѣнении вси возвратипася. И тако тогда избави богъ град Тару от нашедших.

Но еще гнѣвъ божий не укротися за умножение грѣх наших, по реченному: «Нигдѣ не престанеть, рече, ярость моя на грѣшники, дондеже истреблю вы.» В та ж времена в Томском граде, в новомъ Качинском остроге и на Красномъ Яру и в Кузнецкомъ остроге мнози христианстии людие падоша острием (130) меча поганых, о нихже подробно что рещи, или глаголати, или писати, от горкия болѣзни не вѣмъ, понеже православнии христиане, яко пшеница, пожинаеми, и терние умножашесе, много ж за то и зла пострадаша. Нѣкогда посла богъ на них гнѣвъ свой: змиемъ повелѣ поядати их, и кийждо их уязвляеми умираху; и паки милосердова о них и вложи в сердце блаженному Моисею; он же божиим мановениемъ подвижим сотвори змию мѣдную и постави посредѣ полка сыновъ израилевъ: уязвляемии ж от змия взираху нань, исцелеваху. Потом же они сию обоготвориша и многожды прогнѣваша бога; сего ради тмами казнишася (130 об.) гладом и язвами и плѣном и ратию и различ-

ными разорении, яко ж писано: «И видѣ господь и возревнова и разгнѣвася гнѣвомъ, и рече: отвращу лице мое от них, яко прогнѣваша мя в дѣлах своихъ». Тако и от сих литовскихъ людей отврати лице свое злаго ради ихъ совѣта. О таковыхъ бо пророкъ глаголетъ: «Ядый хлѣбъ мой воздвиже на мя ковь». Сии бо окаяннии, ядуще хлѣбъ до сытости, но совѣщаша на градъ христіянский лукавая. 142-го году противъ памяти святого пророка Илии Фезвитянина — тогда ж память его лучися в день недѣльный — тѣхъ же окаянныхъ злодѣйский совѣтъ таковъ былъ: в той было недѣльный день в Подгории зажеши церковь Богоявленія господа нашего (131) Исуса Христа, и какъ бы люди из града тамо пошли, а имъ было по тѣхъ людехъ бити из снаряду, а иныхъ посящи мечемъ и пограбя всего града богатество, и градъ сожеши, а самѣмъ было итти черезъ степь в Литву. О люте! О люте было бы намъ в Томскомъ граде в сий недѣльный день Христова воскресения, хотящимъ имъ, зломысленнымъ волкомъ, сурово и немилостиво града достоянныя раскопати и церкви божія раззорити, идѣже хваления и славословія славѣ божіей приносятся, и христіянскую неповинную кровь пролити. И вся быша злая в сий недѣльный день умыслиша окаяннии сотворити. Милосердый ж, в Троицы славимый богъ призрѣ на нѣ милостию своею, помяну (131 об.) щедроты своя, утоли от насъ рыдание слезное, не поступи дивному звѣрю, пришедшему ис пустыни поести словесныя овцы и не предложи свѣтлаго дне тридневнаго воскресения намъ вѣрнымъ во оскорбление, отвратися мечъ острый от насъ на ихъ выю, по глаголющему: «ровъ изрыи ископа и впадеса самъ, обрати бо ся болѣзнь ихъ на главу ихъ и неправда ихъ на всѣхъ сниде, посягни злое сѣмя не на ораной земли, и пожаша плевелъ и ядше умроша». В навечерний канон того дни нѣкто от ихъ же совѣта, тайно отбѣжавъ, и градоначальникомъ повѣда. И сии поимани быша и испытани и прияша месть по своему злодѣйскому умыслу (132): овѣхъ же обѣсиша, овѣмъ главы отсѣкоша, овѣхъ в темницы затвориша. И тако (богъ) помилова градъ и люди.

Но поганыхъ бысть неукротимое стремление, яко звѣрие дивныя, поядающе, гради раззоряюще, вѣрныхъ погубляюще. Ктому же дияволъ, ненавида добра человѣческому роду, вооружи домашнихъ вразей и мало насъ не порину в ровъ гибельный. В Томскомъ граде литовские люди новоприсланные и старые жители, уже у коихъ жены и дѣти и много лѣтъ ту жиша, тѣ воспомяну(ша) лукавое свое ихъ первое житіе во своей странѣ, яко же древле иудѣемъ смущаше, егда в пустыни манну ядуще, чеснока желажу, бога, сотворшаго небо и землю и казнившаго ихъ ради Египта и сотворшаго велия (132 об.) и неизреченная чудеса, оставиша, идоломъ поклонишася, данный законъ отвергоша, пророки учащая ихъ побиша.

Тогда ж града Тюмени мнози татара отечество свое оставиша и в Колмаки отбѣгоша; из нихъ же бысть татаринъ именемъ Езѣякъ, и пришедше в Калмацкую землю воздвигоша рать велию, ежъ ити воевати градъ Тюмень, готову имущу помощь сатанина первенца Кучашка. Бысть же в лѣто 7143-го ану(а)рія мѣсяца в день, в онже восходитъ солнце на Стрелца — Стрелецъ бо

звѣзда именовашеся храбраго ради исполина, баше той стрелец исполни от главы даже до пула человѣкъ, от пула ж конь по всему подобю, бысть ж крѣпокъ и силен, (133) и той прииде на помощь Троянскому царю Прияму и убиен бысть на брани. И сего ради чуднаго художества древнии мудрецы промеж звѣзд поставиша; во время ж то ловления бывает и блистанія падут иж италияне стрѣлы зовуть или стрела, снѣгъ и подобно студени. — В то ж время настоящія тоя години нашедше погани на град Тюмен(ь), се бо попускающу богу на християны за грѣхи наша, ово поганья наводяща, ово водою смиряя, ово пожаром, ово голодом страша ны отлучити от грѣха, наказуя ны, яко отец чада. Сиче бысть за грѣхы наша: внезапно приидоша погани даже до стѣнъ градных. Тогда на гражанъ нападе (133 об.) ужас, погани же разыдопаша по уѣздам и многих християн овѣх мечю предаша, овѣх живых в плѣнъ ведоша, и в крови християнстей руки своя обагриша. Вопль убо велий избыточествует повсюдѣ от гласов убиваемых, и никоея же надежи мощно имѣти животу своему защищения, и плачются людие всѣх своих падений. Колмаки ж в провожении измѣнников Кучашка Танатарова да Езеека с пособники их явных врагов своего отечества крѣпцѣ на християнъ нападают и никоего защищения от гражан обрѣтают. Сего ради и многих смерти предадут и разсужения и возраста не имѣют. Оле, велие падение (134) бысть и убийство! И тамо бысть велие низлагание: пред отцы сыновы убиваеми живота гонзнуша, отроковицы от матерей отторгаемы и блудному растлѣнню предлагаемы, жены с мужи разлучаемы и бѣдне насилуемы и оскверняемы. О, бѣдныя матери, коликою болѣзнию сердце ваших внутренняя разсѣкаете, зане чад ваших чресла зрите исторгаемы и чудом раздробляемы, и колико возможете изнести слез в разорении чад ваших, ихже разсѣкает немилостивый кровавый меч! О, роде слѣпый и жестокий, смерти не вѣдуще! почто отцы нынѣ насилуемныя руки не разумѣете и ухищрения поганых не познасте (134 об.) прежде, даже не ускорит меч сей острый, в вашей крови не воскицѣл, или мѣли есте, яко нашествие иноплеменныхъ бес тяжкия казни и жестоково отмщения возможеть проити? И тако погани многия веси и села разрушиша и пограблену бывшу всему сокровищу даж и до скота. В молитвенных же храмѣх и в домѣх, идѣже обрѣтаху всечестныя иконы и животворящія кресты, ругахуся имъ и в нечистыя мѣста метаху, иныя ж зубы кусающе, яко ж беснии пси, иныя же сокрушающе, иныя во огонь вмѣтающе; утвари ж церковныя [на поле: священныя] имаху себѣ. О, кто достойно восплachtetся тоя бѣды? Кий язык (135) изглаголетъ содѣянная? Кий слух кротце приметъ такову пакость, еяже николи ж слышахомъ, и не бысть такова зла православнымъ християном, отнели же и солнце евангельское Сибирскую землю осия и псаломский гром огласи, ни отцы наши возвѣстиша нам таковая. О, како святии не подвигоша владычицу Богородицу умолити о людех согрѣшших и уставити таковой судъ гнѣва господня, еж бы не предал святыни своей в попрание и православных християнъ в руки сыроядцемъ! Но они убо святии, аще и умолятъ, но не

противятся судбамъ господнимъ, яко ничимже не можетъ оѣиститися таковой грѣхъ, точию огнемъ и инѣми казньми тому ж подобнымъ, занеже (135 об.) согрѣшихомъ. И от сего явѣ есть, яко вся добрая святыхъ церквей и монастырей составление и на вся, яж богу освящаемъ, сия приемлетъ богъ нашего ради исправления; аще ли мы согрѣшаемъ ему, и та святая презираетъ и в попра-ние сие и нас беззаконникомъ предаетъ, якоже нынѣ видимъ: преславный град Тюменъ(ь) попрап, и всѣмъ благочестивымъ умилно и слезамъ достойно видѣние, яко виноградъ видимъ есть, егож озоба вебрь дивий из луга пришед, или сад оцепенѣвъ мразомъ лютыя зимы и увядъ и бысть в поношение поганымъ. И тако погании поидоша во 'свои си со многимъ богатствомъ и в плѣнъ поведоша с собою мужеска полу (136) и женска с тысящу человекъ, младевцевъ же, ссущихъ млеко, от матерей из чреслъ исторгаху, овых на копия вознизаху, овых ножи рѣзаху, овех о стену и о землю, за власы и за ноги емше, убиваху, овѣх мечи разсѣкаху, веселяхуся погании, яко побѣдницы суть и многими избыльны богатствы. Граждане ж плачущесе и поидоша во слѣд поганых, уповаху отмѣстити наносимыя имъ тяшкыя бѣды от них. И постигоша их на рекѣ, зовомой Пышмѣ, от града 15 поприщ и, не дождавшеся своихъ немногими людьми нападаша, погании ж возвратившеся и немилостивно на гражданъ нападаютъ, копейнымъ поражениемъ и ост(р)ыми стрѣлами гражданъ (136 об.) уязвляютъ и низлагаютъ и коньскими ногами попираютъ. И аще не бы господь прекратилъ той день, конечно бы вси граждане пали остриемъ меча поганыхъ, понежъ гнѣвъ божий възде на ня; аще и горами подвизалися бы, но противу гнѣва божия кто постоитъ? Бысть же в то время убитыхъ и в плѣнъ сведенныхъ мало не двѣ тысящи человекъ.

Вся же сия бысть грѣхъ ради нашихъ, прочему ж роду на увѣрание.
